

БЕГЕМОТ

РЕДАКЦИЯ

Ленинград 2, Фонтанка, 57, тел. 985-95

САТИРИЧЕСКИЙ ВЖЕНВДВЛЬНИК

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

По 1 месцу 60 коп., по 3 мес. 1 р. 70 к.,
по 6 мес. 3 р. 25 к., по 12 мес. 6 р.

Рисунки Л. Вредина

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДЕНЬ ПЕЧАТИ!

Рис. Г. Эфроса

Тов. врач! О какой еще другой дополнительной площади вы мечтаете?! Чем это вам не площадь?

ФРАНЦИЯ

Банк-де Франс не пойдет воевать перед германским судом или советской грабильной, а будет продолжать дело в САСШ.
(Г. Портинакс из „Эко де-Пари“).

Душитель Рура и Марокко,
Отклячив нижнюю губу,
М-сье Портинакс с лицом пророка
Кричит над золотом: „Табу“!

И, словно вор, в проделках дошлый,
Не тратя зря ненужных слов,
Вопит он голосом истощным:
„Держи воров! Держи воров!“

Валютной этики хранитель,
Безбрежной чести образец,
В оценке денег и событий
Имейте-ж совесть, наконец!

И без пристрастия, без яда,
Без жёлчи бешеной слюны
Скажите: сколько-же блокада
Для нашей стоила страны?

Какой валютой смерить жизни?
К кой ценою дорогой,
Что были смяты, словно слизни,
Войны железною ногой!

О, Франция, Франция! Дряхлая Франция..
Жирная, словно свинья на убой.
Нет в ней стыда ни перед иностранцами,
Ни перед самой собой.

Золото!

Золото!

Золото!—

Вечный ее припев.

Новая Франция! Франция Серпа и Молота,
Копи свой гнев!

Р. Волженин

САМОКРИТИКА

Самый модный теперь вопрос — самокритика. Степан Иванович даже пострадал через нее. В завкоме над ним посмеялись как-то:
— Вот, дескать, Степан Иванович, ты всех критикуешь и очень резко, а ты попробуй себя критикнуть.
— Могу, — ответил Степан Иванович, — я за правду самого чорта раскритикую.
— В чем же вопрос? Иди на собрание и дай пример. Степан Иванович замялся:
— Дать-то я дам, но сначала проветриться надо и приловчиться, потому что самокритика дело новое. Дайте мне, говорит, день или два на приправку.
— Идет, — согласились завкомские.
А надо сказать, что критика у Степана Ивановича была домашняя с пивом. На собрания он не ходил.
— Там, говорит, с мирового масштаба приходится начинать, а я не умею и вообще ничего не могу о чемберленах сказать кроме того, что они сволочи.
Прошло дня три. Степан Иванович куда-то пропал. Ни на фабрике, ни в столовой его не видать. Товарищи заволновались.
— Надо разузнать — в чем дело.
Пошли к нему на квартиру.
Там супруга Степана Ивановича зашипела на них, точно гусыня.
— Тише! Самокритикой занимается.
Через перегородку слышался надтреснутый голос Степана Ивановича:
— Ты думаешь, негодяй, что беречь и прибирать за тебя инструменты Евгений Онегин придет? Вливную торопиться, сволочь? А подумал ли ты, мерзавец, что 50 процентов браку от дурной головы твоей получается...
Когда приятели открыли дверь, то увидели отрадную картину. Степан Иванович с бутылкой пива сидел перед зеркалом и, свирепо грозил этой бутылкой своему изображению:
— Ты, вот, свинья несчастная, пьешь здесь, а кто-то работает за тебя. В шею гнать таких подлецов надо.
Увидя приятелей, Степан Иванович скорбно вздохнул:
— Слова не так-то круто выходят, но я добьюсь своего — дам настоящую самокритику, а вот начальство пушай попробует. Слабо. Им целый год практиковаться надо по ихнему бюрократизму, а я в неделю добьюсь.
И добился. Выперли его за прогулы.

Иин. Ломакин

Наступал вечер, этнографический музей закрывался, манекены начали свои беседы. Из трехстенных деревенских изб, из войлочных юрт киргизов, из остяцких чумов неслись возмущенные голоса.

— Руководитель, руководитель, чтоб ему сдохнуть, — окая говорил сидевший у печки мужик в белой холщевой рубахе.

— И, што ты, Ванюша, кровь свою раздражняешь, — вполголоса говорила, баба, двадцать лет уже с оявшая с полотенцем и подобием хлебного каравая в руках.

— Модчи, баба! Рази можно терпеть, коли он сказывает, что я веду кочевой образ жизни...

— Вполне солидарен с вами, товарищи! — сказал сверху еврей в черном лапсердаке. — Действительно, есть с чего засмеяться. Этот же руководитель говорил про меня, что у нас существует многоженство. Многоженство, как это вам нравится? А? Сарра даже обиделась, она никогда не слышала таких глупостей.

— Секим башка ему надо делаты! — сердито поддержал рязгор татарин, сидевший на коврах. — Он говорит, что я пью молоко и что молоко и кумыс одно и то же. Собака!

— Чилувки, — рздался певучий голос украинца, вставшего в гопаке. — А чилувки, хлопцы, у меня без горилки глаза на лоб вылезли, ко да я услышал от него, что у нас на Украине водятся белые медведи... Надо спосмать хлопцев в Главнауку.

— Правильно, б чка! — крикнул из чума остяк. — Он говорил, что мы, остяки, пшеницу сеем!

— Трзбовать от Главнауки и все! — отрубил горец, сжимая рукоять кинжала. — Дзвсьево!

— Делегацио! — в шумели во всех концах музея. — По одному человеку от губернии... Сюзориться с Эрмитажем...

— А можт у них не так...

— Так, бабонки, так! — крикнула молодайка орловка, в цветистом платке. — Вот Аполлон, переведенный от их к нам, давеча мне сказывал...

— Просим Аполлона!.. Трзбуем!

— В Эрмит же такое же положение, как и у нас, — тихо сказал Аполлон, не сводя мраморных глаз с румяной молодайки. — Руководы вовсе ничего не знают. Красоты не понимают, с меня вон даже по неделям пыль не вытирали.

— Позор! Позор! Долой таких руководителей! Дзллой!

— Тсс... — зашиел вдруг из юрты чуткоухий киргиз — дитя степей. Тсс... Иду! Моя слышит...

За крипел замок, открылась входная дверь. Куклы замерли в старых позах и ничто не указывало на только что прошедшую бурю. Только рука горца под мохнатой буркой, казалось, еще сильнее сжала кинжал.

Восли рук воды, за ними — толпы шумных экскурсантов с пытливыми глазами.

Вл. Тобояков

ХАЛАТ! ХАЛАТ!

Напялены барашковые шапки...
По переулкам, подтянув штаны,
Трясти старье, подчитывая охапки
Идут Татарии степенные сыны.

Косперация расселась по виринам,
Но шаг за шагом, мэря свой квартал,
Столетье бродит, с зонтиком старым,
С мешком подмышкой, частный капитал.

Ступенек много по домам столицы,
Но больше пятен, пятен и заплат.
И каждой бедности под утро снится: —
— Халат! Халат! Халат!

В прихожей терпко пахнет нафталином.
Жесток осмотр в привычной полутьме.
Роняет продавец с лицом невинным: —
— За шесть отдам!
А трешка — на уме...

Когда-б мы так входили в курс науки,
В проблемах дня так рьяно лезли вглубь,
Как сын Татарии влезает в брюки...
Кладёт на стул и предлагает... рубль.

Прошел по вешалке пытливым взором: —
Пальтишко не продашь? Продай кому-б!
И кривой глаз глядит с немим укором
На бедность обветшавших мод...

А в Татреспублике, в своем Кантоне
Ручьи степные весело журчат,
Весна на улице вприпрыжку гонит
Лихие стаи смуглых татарчат...

Тряпье... Старье... И пыльные охапки...
А там туманы бродят по полям,
И шамкают барашковые шапки: —
— Селям алекюм!
— Алекюм селям!

Александр Флит

В Московском Большом театре в спектакле оперы «Князь Игорь» или кавалерийском, темном как артисты описали на «духовные» выступления.

Рис. А. Дюера

ПСАЛОМЩИК — ЯРОСЛАВНЕ: Марь Семенна! Кончайте скоренча — уже к завтраше вдарили...

Людвиг В. Аннонатов

ЛЮБОПЫТНЫЙ — Скажите, товарищ художник, а нет ли у вас картин, иллюстрирующих достижения живописи?

ПРО СВИНЬЮ

Селькор Бедовый прислал из деревни Жучихи в газету „Красный Серп“ письмо о том, как чья-то свинья, „по всей вероятности, кабан священника местной церкви Загробного“, подрывала стену сельского кооператива. Письмо бичевало кооператив за отсутствие должной охраны кооперативной лавки и требовало „полной конфискации виновной свиньи до уплаты причиненных убытков“.

В провинциальном отделе газеты письмо переделали в заметку, озаглавив ее „Поповский Васыка“. „В с. Жучихе, — говорилось в заметке, — свинья местного служителя культа, гражданина Загробного, подрыв стену кооператива, причинила большие убытки местной кооперации. Возмущенные пайщики требуют примерного наказания владельца дикого кабана. Что скажет райкоопсоюз?“

Секретарь редакции, просматривая материал, сократил заметку и дал ей новое заглавие, — „Поповская свинья“: „В с. Жучихе поповские свиньи причиняют убытки кооперативу, а правление и в ус себе не дует. Хороши правленды!“

После редакторского просмотра заметка селькора Бедового назвалась „Свинья“ и выглядела так: „В с. Жучихе местные свиньи подрывают сельскую кооперацию. Когда же их обуздают?“

От райкоопсоюза пришло в газету опровержение по поводу письма Бедового. Авторы его утверждали, что на кооперацию в Жучихе никто не покушался, и от пайщиков жалоб не поступало. В жалобной книге жучихинского кооператива

имелась одна запись — „Яшке гаду морду побью“, — зачеркнутая чернильным карандашом, как явно не относящаяся к работникам кооператива, среди которых Якова нет.

— А потому, — заканчивал райкоопсоюз, — просим напечатать настоящее опровержение.

Редактор „Красного Серпа“, прочитав это письмо, сказал секретарю:

— Зачем же вы даете непроверенные сведения? Опять какая-то кляуза...

Секретарь вызвал зав. провинциальным отделом.

— Кто такой этот Бедовый? Помещаете всякую ерунду, а потом расклеивать приходится...

В тот день, когда селькор из с. Жучихи получил долгожданную газету со своей корреспонденцией, в редакции „Красного Серпа“ состоялось очередное собрание рабкоров.

— Товарищи, — говорил в докладе редактор, — наша задача — еще больше связаться с массами через рабкоров и селькоров. Каждое письмо рабселькора мы, по возможности, помещаем. Правда, часто приходится сокращать эти письма, но основной смысл письма, — то, на что автор обращает главное внимание, — мы, конечно, не выбрасываем. Вы все учитесь на газете писать так, чтобы ваши письма не приходилось сокращать.

Селькор Бедовый, долго размышлявший над своей переделанной корреспонденцией, не слышал речи редактора на этом собрании. Иначе он спросил бы докладчика:

— Как селькору научиться писать о кооперативных порядках по напечатанному письму из с. Жучихи?

М. Людвиг

Иллюстрации Б. Малаховского.

Текст Ив. Прутькова

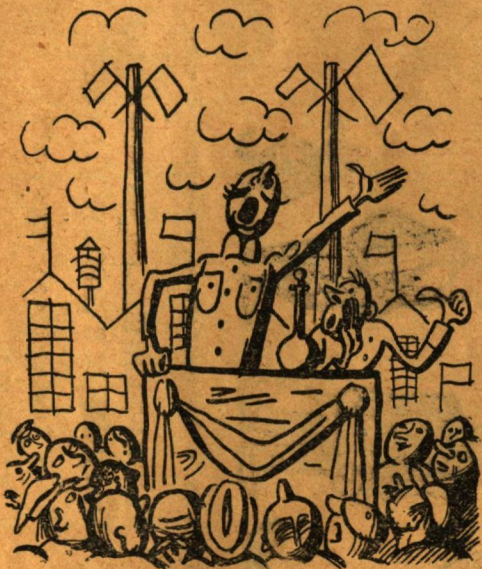
Выстроить новый завод — это не пустяки. Это чего-нибудь да стóит! Больших денег и больших трудов стóит!

Вполне понятно, что день открытия такого новенького завода — день великого торжества, когда уместны и флаги, и музыка, и горячие ораторы.

И кому же представить первое слово, как не строителю, положившему все силы и знания на создание дорогого детища техники!

И вот строитель — на трибуне, встреченный бурь и аплодисментов.

Волнение сжимает горло. Слезы радости готовы брызнуть из глаз. Поднятая рука слегка дрожит. Ах, как я это забываю в эту минуту!

— Товарища! Сегодня мы открываем мой и ваш завод! Мой — по моему, что он есть воплощение продуманного мною плана, и ваш, потому что в СССР нет заводов, которые не принадлежали бы рабочим. Сейчас широко распахнутся заводские ворота, и вы войдете, как хозяева, как...

И тут кто-то дергает оратора сзади.

Он оборачивается. Он слышит испуганный шепот своего помощника:

— Петр Семеныч... Ворота... Скандал... Мы их забыли сделать...

— Что?! Не может быть?! Мы... забыли... ворота?!

— Факт!..

— Но ведь... Я только что сказал как раз о воротах... Ведь уже все слышали!..

— Верно. Вот тут-то я и вспомнил, что мы их забыли сделать... Сплошная стена кругом... Сейчас бегал — смотрел...

— А как же входить?... Вот-те фунт!..

И забываемая минута!

Волнение сжимает горло. Поднятая рука слегка дрожит.

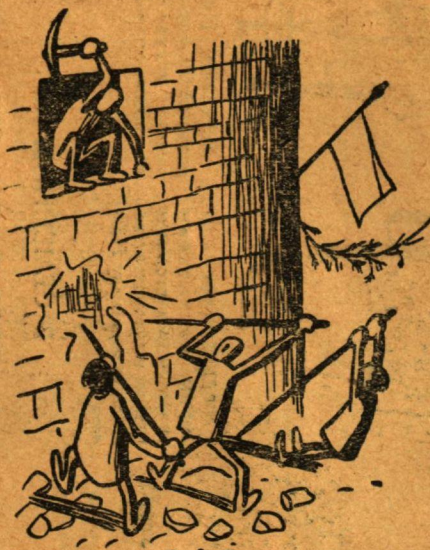
— Товарищи... По независящим причинам открытие завода временно откладывается... Свои слова, товарищи, о заводских воротах, я, товарищи, вынужден взять обратно...

Объявляю сегодняшнее открытие закрытым!

* * *

Лихорадочно кипит работа.

Ломают новенькую капитальную стену спешно сооружают недостающие ворота.

— Лучше поздно, чем никогда! — озабоченно сообщает строитель, руководя работами. Из Смолпромторга справляются о ходе.
— Ну как ворота?
— Есть! Завтра можете открывать.

* * *

И снова всё в порядке. Флаги, музыка, ораторы.

Волнение, слезы радости... Поднятая рука...

— Сейчас, товарищи, перед вами широко распахнутся заводские ворота...

На воротах — особое ударение. Ворота прозвучали твердо, так нечто такое, в чем оратор уверен, как в самом себе.

— Милости прошу, товарищи! Завод, этот каменно-стальной гигант — весь ваш, сверху донизу! Входите же в него, поднимайтесь вверх, по лест...

Судорога перехватывает горло, словно рука в темном переулке.

Глаза лезут из орбит и впииваются в лицо помощника. Из горла вырывается шипящий звук. Незабываемая минута!

— Лестницы! Мы, кажется, их...

Помощник растерянно разводит руками.

— Забыли...

— Скандал!.. Придется как-нибудь занять внимание первым этажом... Может, не заметят... Там, кстати, котел... Зайдем их котлом.

И снова — лицом к толпе:

— Товарищи! Не буду разбрасываться и утруждать ваше внимание деталями и мелочами.

Скажу о главном, скажу о сердце завода, о его стальном сердце, которое вы сейчас...

— Петр Семеныч... ради бога... Петр Семеныч...

— В чем дело? Лестницы сказались налицо?

— Какие там лестницы! Нету лестниц... Кстел!.. Ради бога, поможите о котле: он еще не поставлен на место и неходится в-двор...

— Зарезали! Внести немедленно, пока я тут постараюсь задержать внимание: речью...

— Не лезет! Понимаете — широк для дверей... Надо стену разбирать...

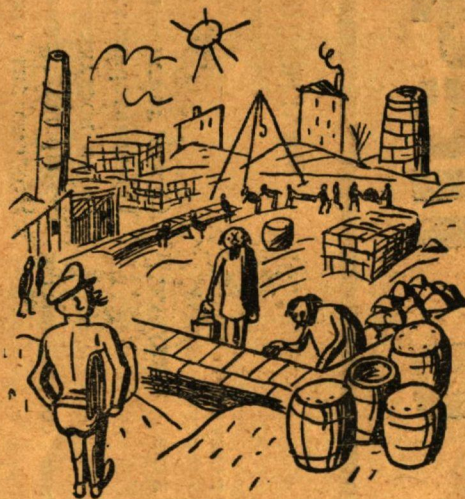
— Разберите, чорт побери!

— Нельзя... Стена еле держится... Фундамент...

— Что еще?

— Фундамент забыли подвести...

* * *

Открытие временно отложено. Кипит работа.

— Ну, как делишки? — спрашивают из Смолпромторга.

— Всё в порядке. Четыре этажа разобраны, разбираем последний.

— Так смотрите же, не забудьте фундамент сложить!

— Не забудем!

— Ну, пока.

Каюсь, читатели: насчет ворот выдумал, насчет лестниц тоже, и насчет фундамента приврал. Это, может, в другом месте забыли.

А в Смоленске — Смолпромторг, строя фосфоритный завод, только с котлом сбмширился.

„Выстроив здание, забыли, что нужно в заводе поставить котел, а так как кстел надо ставить внутри завода и он не мог пролезть через ворота завода, то пришлось ломать капитальную стену“ („Рабочий Путь“. № 84).

Но этот мелкий факт с котлом наводит на грустные размышления: этот котел указывает, что у наших строителей котелки плохо варят.

НАША САМОКРИТИКА

Что такое критика — известно любому критику.
Напомним: критика есть умение зорко заметить в чужом глазу даже такой мелкий сучок, которого в нем нет. И громко прокричать:
— Смотрите! У этого товарища в глазу бревно! Мы давно предупреждали... и т. д.
А что такое самокритика?
Что означает это новое слово?
Нам думается, что оно означает бесстрашное перечисление собственных промахов и скромное замалчивание достижений.
А, может быть, мы и неправы.
Надо бы скорее уточнить это трудное слово.
А пока что мы, работники пера, сейчас попробуем не критиковать (что очень легко), а самокритиковать (что гораздо труднее!)
Продернем себя малость (в порядке дискуссии).

Печать, побольше самокритики! ДИАГРАММА ПРОХВАТЫВАЕМОСТИ

(Кто сколько прохватывала печать за истекший год)

Чемберлен, Пилсудский, Зав, Мейерхольд, Откомхоз, Кинороботник, Работник печати.

ЧТО КРИЧАТЬ ГАЗЕТЧИКАМ?

На 6. Невском
„Ограбление под нарковом! Находка драгоценностей в несгораемом шкафу!“
На Сенной
„Оштрафование торговцев! Новые сроки налогов!“
На Петроградской стороне
„Наем рабочих от ворот! Сокращения в энтресте!“
Всюду и везде
„Новая квартплата!“

„Стихийное“ бедствие.

ТОПОР ДЛЯ ДЕТЕЙ

Что написано топором, того не врубашь пером...

Наконец-то решен древний спор о детской литературе!
Сколько написано бумаги враждующими лагерями, сколько измучено языков в прениях! Сколько лучших умов сошло с ума от наруги! Трудно сосчитать...
Еще в доиспанское время, еще в древней Спарте люди бились над проблемой — что и как нужно писать для детей.
Тогдашний Спартиадат издавал такую детскую литературу, что хрупкое детское здоровье не выдерживало. Ребята начинали хрипеть, и спартиады были вынуждены кидать таких детей с Тарпейской скалы.
А позже с той же скалы кидал Спартиадат макулатуру, которую никто не хотел брать (тогда еще не было обычая заворачивать продукты в бумагу).
В четырнадцатом веке спор о детской литературе охватил весь мир, все наделы и все Гусы.

Один из таких Гусов (Ян Гус) на требование педагогов разрешить детские сказки торжественно заявил:

— Лучше я сгорю, нежели подпишу декрет о разрешении разговаривать медведю и лисе!
И он, действительно, полез в костер, где и сгорел.

Но вернемся к нашим дням.
До последнего времени вековая проблема продажала тютювет над умами.
Противоречия встали. Конъюнктура книжного рынка складывалась неблагоприятно. Твердой линии не было. Плановость отсутствовала. И так далее и тому подобное.

Авторы детской литературы с ужасом смотрели на Госиздат и ГУС. А Госиздат и ГУС поглядывали на авторов — дескать, с какой скалы вас, чертей, поскидывать?

— Можно разговаривать медведю и лисе?
— Нельзя. Фантастика.
— Можно разговаривать медведю и лисе?
— Слегка можно. Только покорооче. И обязательно на производственные темы...
— Можно разгова...?

И так до самых последних дней. И только черь завеса спала! Проблема решена!

— Дура... Да газета-то полгода до нас шла!

ОПЕЧАТКА

— Будет знать теперь весь свет.
Говорят приятели:
Сняли с Яшкина портрет
Для статьи — „Старателя“.
Утром рвал листы газет
И орал до одури:
Напечатали портрет
Под заглавьем... „Лодыри“!

Сам Госиздат решил выпускать руководящий детский орган „Еж“.
И вот журнал перед нами. И вот мы теперь, наконец, видим настоящий образец настоящей, доступной детям, простой и занимательной детской литературы.
Вот, читатель. Протрите уши, сожмите крепче череп и слушайте.

Иван Топорышкин

Иван Топорышкин пошел на охоту, С ним пудель пошел, перепрыгнув забор, Иван, как бревно, провалился в болото, А пудель в реке утонул, как топор.
Иван Топорышкин пошел на охоту, С ним пудель випрыржку пошел, как топор. Иван провалился бревном на болото, А пудель в реке перепрыгнул забор.
Иван Топорышкин пошел на охоту, С ним пудель в реке провалился в забор. Иван, как бревно, перепрыгнул болото, А пудель випрыржку пошел на топор.

Даниил Хармс.

Ну, что, читатель? Очумели?
Оно, конечно, с одного раза трудно не очуметь. Нужна привычка. Нужно вчитаться.

Но все равно ничего не поймете.
Один наш знакомый, прямо, захворал от этого топора. Ходит не в себе и всех спрашивает.

— Как же это пудель в реке провалился в забор? Держите меня, или я утоплю Даниила Хармса випрыржку на топоре!

Жаль человека — непьющий, здоровый мужчина — и свихнулся на детских стихах Госиздата...

А детям и подавно не разобраться в этих топорах, заборах и болотах.

И зачем вас на свет маменька родила, несчастные ребята! Лучше бы вам совсем не родиться, чем попасть в „Ежовые“ рукавицы...

Что касается Даниила Хармса, автора напумешшего топора, то мы не собираемся его топить.

Мы бы только хотели, чтобы он, по примеру Яна Гуса, сгорел, если не откажется писать такие топорные вещицы.

Ив. Не-Топорышкин

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

(На правах пародии)

Идет дождь...
(Из газет)

Опять дожди — в повестке дня!
Обсерваторию кляня,
Готов воскликнуть, полон слез: —
— Прощай, зима! Прощай, мороз!
Что смотрит спящий Откомхоз?!

ОПРОВЕРГАТЕЛИ В ЛИТЕРАТУРЕ

— Хорошо у Алексея Толстого об опровержениях сказано:
„И пишет боярин всю ночь напролет (перо его местико дышет). Прочтёт, улыбнется, и снова прочтёт. И снова без отдыха пишет...“

ДВА СЛУЧАЯ

— По какой статье судили этого спеца?
— В том-то и дело, что не по статье, а по маленькой рабкоровской заметке.

ПЕЧАТЬ — СИЛА

(Юбилейные портреты)

Фельетонист Сидоров, пятилетним упорным фельетонным трудом выхлопотавший костюм инвалиду Иванову.
Инвалид Иванов, который без поддержки печати ходил — бы в костылях от 5—10 лет.

В СЕМЕЙНОМ БЫТУ

— Что-то у меня рука чешется?..
Написать разве опровержение...

Многострадальный корректор.

ТЕХНИЧЕСКИЕ РАЗГОВОРЫ О НАРКОМАХ В „КРАСНОЙ ГАЗЕТЕ“

— Луначарского „тиснули“?
— Тиснули.
— Пустите его в „шапку“, а Семашку „сократите“ и поместите в „подвале“.

в целом берет правильную установку и выпрямляет идеологическую линию нашего репертуара.

На одиннадцатом году революции наши авторы проявляют большую чуткость и широту охвата тем.

Положительные типы очерчены ярко и талантливо, жизненны и не сусальны, наоборот, отрицательные типы вызывают отвращение и дают правильный сценический эффект.

В итоге — очередная победа на театральной.

Б. А.

Как мы и предполагали, пьесатов... в общем и целом не выпрямляет идеологическую линию нашего репертуара.

На одиннадцатом году революции мы вправе требовать от наших авторов большей чуткости и большего охвата тем.

Положительные типы сусальны и не жизненны, наоборот отрицательные вызывают симпатии зрителя и очерчены ярко и талантливо.

В итоге — очередное поражение на театральной.

А. Б.

ТЕХНИЧЕСКИЙ ТЕРМИН

— Коля! Что такое досадная опечатка?

Напаченок: — Это, когда, например, печатают магазин за неважно уравнительного!

ГЕРОИКА СОВРЕМЕННОСТИ

— Товарищ автор! Почему вы называете свое произведение героическим романом?

— А потому что пришлось приложить героические усилия для того,

чтобы получить в издательстве гонорар за этот роман!

НЕЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

Ругаясь тихонько, но крепко,
Стоит гражданин у стены.
На брови надвинута кепка
И пальцы в кулак сведены.
Не трудно понять из ответа,
(Когда огрызнется со зла),
Что это „Стенная Газета“.
Где кроют его за „дела“.

ПЕРВАЯ СТЕННАЯ ГАЗЕТА

— Сорвать немедленно!

БОЖЕСТВЕННЫЕ ПОПРАВКИ

Прослушав недавно пасхальные кондаки и ирмосы, аз недосойный раб, усмотрел в оных мнзи неточности и спешу внести поправки и дополнения на рассмотрение преподобного митрополита А. Введенского.

I

„Утреннеем утреннюю глубоку“...
Две недели на боку.
„Песнь принесем владыце“...
— Дай жена водицы:
Запеклись уста...
Мы узрим Христа.
„Правды солнце“...
Нету ни червонца —
Свято про-о-о-пито!

II

„На божественной страже“...
Пьяницы в раже,
Не ясно глаголюще:
— Пусть с тобой мы голь еще,
Имам кружку бира,
В ней спас. ние ми-и-и-ра!

III

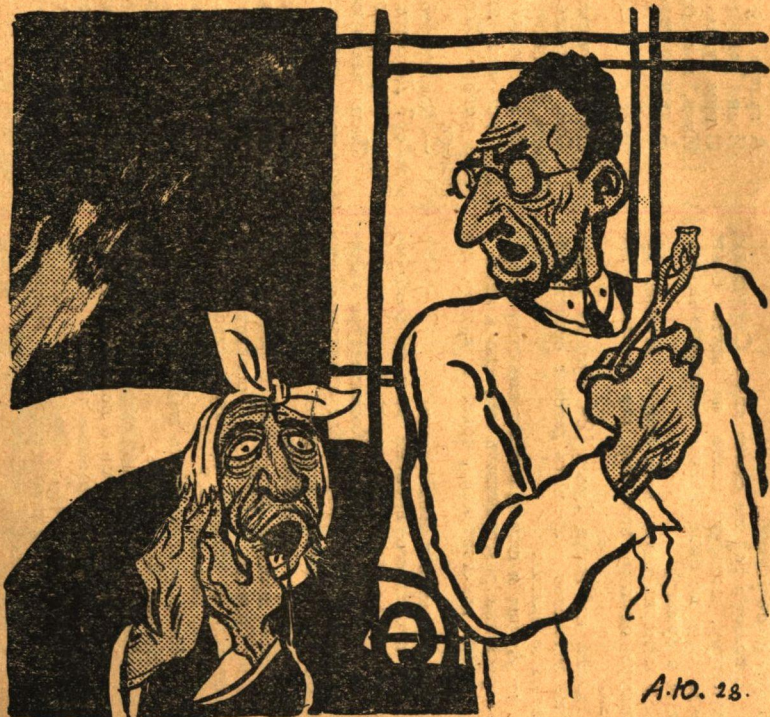
„Придите пиво прием“...
Новой баварии,
(Брось невзгод аварии)
Пей! — идея моя, —
Чудо деемое!
Радуйся утроба,
Источник до гроба,
Ододивший уста,
Им же утверждаем...
Если кружка пуста,
Новой дожидаете-е-мся!

IV

„Мироносицы жены...“
Пьянством мужей сражены,
К ЗАГС'у течаху,
Возопи без страха:
— Абие и сице,
Жить так не годится,
Надо разводи-и-и-тсья!

Мих. Андреев

В то время, как у нас имеется перепроизводство врачей, — совершенно не хватает дантистов, которым нет смены.

А.Ю. 28.

БОЛЬНОЙ — Ой-ой-ой! Вы-же мне, чорт возьми, здоровый зуб выдернули!
ВРАЧ — Ну и что-же? Пользуйтесь случаем, пока живы еще старые дантисты. Когда зуб испортится, — некому будет рвать.

УКРЫВАТЕЛЬ ЦЕННОСТЕЙ

Я вчера получил записку из одной деревни, где какие-то головатяпы, взвскивая о насечении какую-то недоимку, описывали живых людей.
(Орджоникидзе на собр. моск. студ.-выпускников)

— Прячь, жена, ребят и сама полегай в подизбицу. Агенты за недоимкой идут. Пушай, деда описывают, все равно старик на ладон дышет. Помрет в описи, составят акт и похоронят еще на казенный счет.

КРАСНЫЕ ЧАЙКИ

На пляже, на боковых уступах длинных и широких ступеней, друг против друга сидели бочком двое: полный в панаме и тощий в соломенной кепке.

Человек в панаме метнул рукой в сторону моря и сказал:

— Скажите, разве эти кулающиеся комсомолки и партийки не похожи на красных чаек, реющих над пеной волн?

Человек в кепке передвинул движением губ папироску из одного угла в другой и, не глядя на море, сказал:

— Эти платочки скорее вызывают представление о красных головках мака.

Они оба повернулись под острым углом к морю. Блестящий, званый раславленным золотом солнца лик мой слепил глаза так сильно, что они оба, словно по команде, надвинули свои соломенные уборы почти до кончика носа. Казалось, что у них соломенные лица.

— Да, — сказала панаме, — ваше сравнение не плохое. Как звонко смеется наша смена; приятно наблюдать, как ревится она. Наконец-то в этом, некогда таком фешенебельном курорте, зазвучали пролетарские голоса!

Кепка взглянула из-под козырька, склонив на бок голову, как воробей из-под стрехи, и сказала:

— Да, товарищ Октябрь все перевернул. Бывало, тут противно было пройти: вечно толпа разряженных, нарядных дам...

— Толстых, обещанных бриллиантами купчих, декольтированных до последней черты деми-деноч, чопорных светских дам со своими боками! — поддержала и нама.

Кепка нервно постучала мундштуком новой папиросы о портсигар и подхватила:

— А за ними, как на собачьей свадьбе, плелся хвост поклонников, от молодых, желторотых лицеистов и юнкеров, до адмиралов в отставке, из которых на пляж сыпался добавочный песочек. Фу, какая гадость, противно и вспоминать!.. Десять лет прошло, а противно!..

Панаме поднесла кепке зажженную спичку к папиросе и сказала:

— Верно, дорогой товарищ, противно, счень противно!.. Сейчас совсем другое. Приятно видеть эти скромные блузы, эти спортивные рубашки, трусики... Лица такие симпатичные, трудящиеся, мозолистые лица, то-есть, руки и ноги. Кто, как не рабочие, создали этот прекрасный улок. Я тут лет двадцать...

— Здесь?! Ежегодно ездили и в мирное время?!

— У меня, видите ли, дача тут, то-есть не дача, а так, — и сколько запинаясь, объясняла панаме, — домишко двухэтажный был, то-есть, собственно, один этаж с мезонином... А вы — просите — пар иец? — неожиданно спросила панаме.

Кепка глубоко затынулась папироской, пустила колечками дым и прижимая свободную руку к груди, сказала:

— Нет, я — беспартийный, но я вам сочувствую с первых дней Октября

— Я вас не понимаю: кому это „вам“?

— ВКП... вашей партии.

— Моей?! — вскричала панаме. — Да я же беспартийный, я принимал вас за партийца!

— Меня?! — захотела кепка и, подойдя к панаме протянула, руку: — Сергей Иванович Бубнов, бывший уездный предводитель дворянства, ныне счетовод „Культреста“.

Панаме крепко пожала Бубнову руку и отрекомендовалась:

— Бывший фабрикант и местный дачевладелец Александр Терентьевич Копылин, ныне ларечник.

Они сели рядом.

— Да, — сказал Копылин, — тошво глядеть на это море.

Исидор Гуревич

„НИ СЛОВА, О, ДРУГ МОЙ!..“

Председатель Ц.К.К. Украины т. Затонский, для опасения от болтовни, выступил с проектом уличить устные доклады, предложения и т. п., заменив их письменными вешенным заседаниям.

Рис. Н. Редько

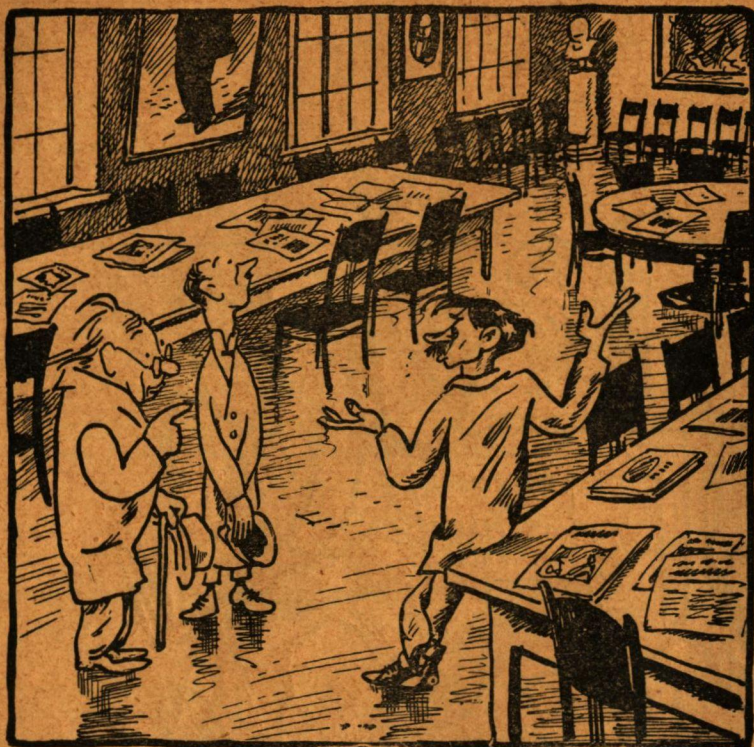
(Известия, № 79)

Заседание тройки по борьбе с волокитой по проекту тов. Затонского.

БЫТОВАЯ ПРИЧИНА

Рис. А. Любимова

— Отчего вы над вашим клубом вывески не повесите?
— Ишь, какой вы ловкий! Как вывеску повесим, публика поперет и в один момент загадит здание.

КАМЕРА ДЛЯ ВЫТРЕЗВЛЕНИЯ

Получают в Барнаульском Окстрорге список, виноват, номенклатуру, как принято выражаться по-русски, предметов второстепенного экспорта. Трудно ли, легко ли, а кое-что заготовить можно.

Но вот два экспортных товара, которые поставили сибиряков в тупик:

- 1) Змеи.
- 2) Лягушки.

Какие змеи? В каком виде их заготавливать? Для какой надобности.

Опять же и лягушки. Набрать их — не диковина, По пятачку дай мальчишкам, они тебя завалят. Но что делать с лягушками? Хранить их живыми, создав для сего громадный аквариум? Тогда как их отправлять с аквариумом?

Солить? Мариновать? Коптить? Сушить?

Чорт знает, что за товар...

Но лягушка хоть не вызывает сомнений — животное знакомое.

Не так просто со змеей. Для чего буржуям понадобились змеи? Какие им нужны змеи? Гадюки? Удавы? Питоны? Очковые змеи? Кобры?

Когда заготовители разошлись с заседания, все они провели тяжелую ночь. Снились им гадюки, удавы, очковые змеи, и прочие гидры капитализма.

К заготовкам же оных пока не приступали, впредь до получения дальнейших инструкций. Главное, даже неизвестно, как оплачивать змей и лягушек. Поштучно, по весу, по длине?

Не дай бог служить по заготовительной части.

* * *

Нужны ли детям сказки? Пока этот вопрос решают все — от наркомпроса до няньки, взятой через биржу труда, — костромские педагоги все уже выяснили. К чорту сказки, к дьяволу слюнчавое детство! В Костроме 10—12-летним ребятишкам задают сочинения на тему:

— „Марксизм, как революционная теория пролетариата“. Посоветовал прочесть несколько томов Ленина, заглянуть и в „Капитал“ Карла Маркса.

— „Тяжелый случай“ — находит „Северная Правда“. Что же делают эти фабзайчата? Пишут: марксизм как левое крыло теории плелеталиата... Пишут, ибо еще Чехов подметил, что если зайца бить, он научится даже стрелять из ружья...

Почтовый ящик

Спичкину, В. Темному, В. З., Милькину, Б—о, М. М., Г—ву, Андрееву.—Всем этим авторам густый ответ: не подходит.

Военлетам.—Сочувствую. Стишки действительно жуткие. Помочь не в силах.

В. В. В—у.—Если вам не подходит—пошлите в „Огонек“. Посылайте, чорт побери, сами. Мы совершенно не желаем ссориться с этим уважаемым журналом

Т. Басову.—„Стоит ли мне печататься? Стоит. Если найдете дураков, которые вас будут печатать.

Д. Лопухову.—Автор скромно признается: „Пишу стихи впервые“.. Но мы никакого снисхождения не признаем. Надо пресечь в корне поэтическую жилку. По этой причине печатаем стишки:

В волнах церковного трезвона
Плывет рел ия, как лес...

Теперь автор пушай сам решит — быть ли ему поэтом.

С. М.—Автор по сходной цене отдает свой товар: „Если найдете возможным использовать это, то пришлите автору на пару пива“.

Не прельстились дешовкой.

Старонику.—Прочли все ваши произведения, хотя и было довольно противно. Плохо.

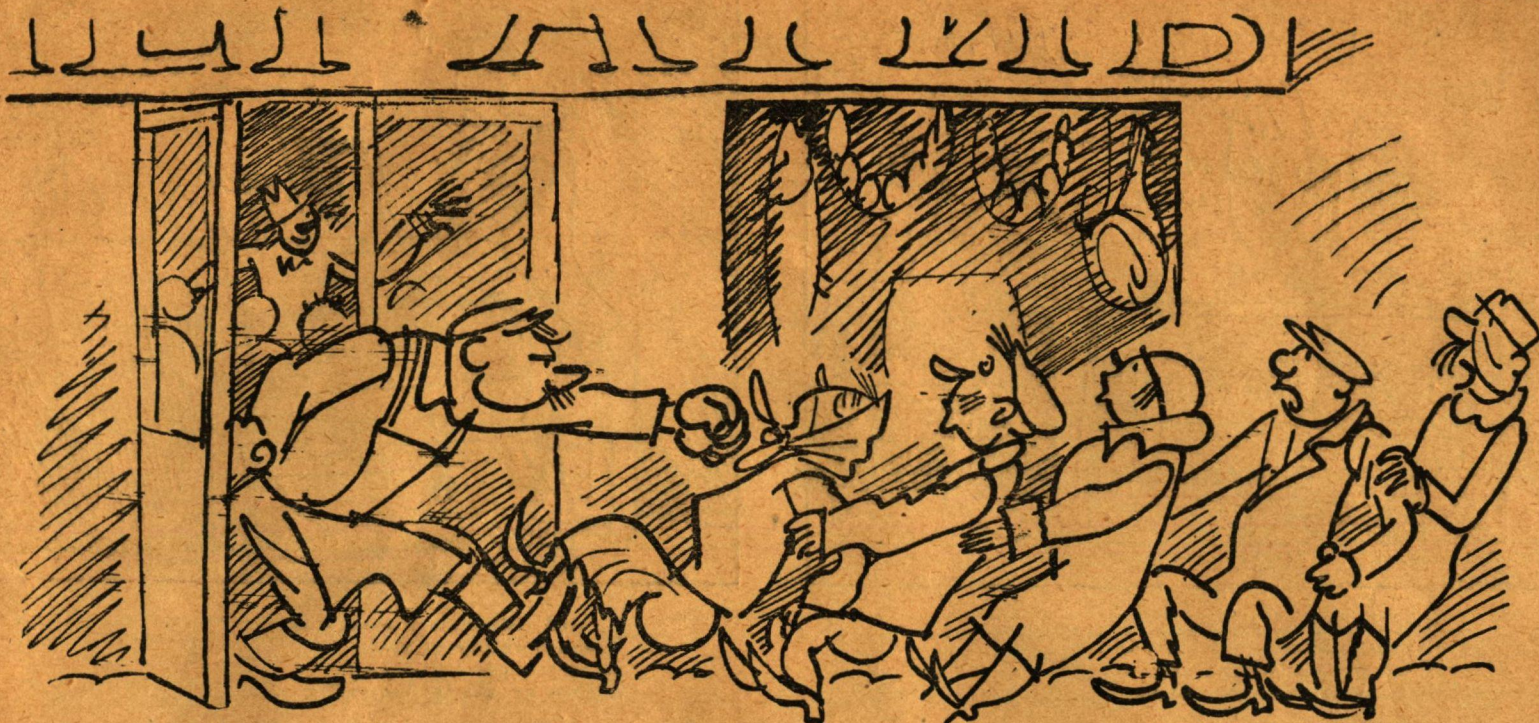
О. В. Иванову.—Ваш проект принят. (См. № 16 Бегемота). Гонорар будет выслан.

НОВАЯ БОТАНИКА

Рис. К. Гуданова

РУКОВОД.—А это, товарищи, судя по опавшим плодам, редкий экземпляр пробкового дерева.

— Ну-ну, выметайтесь, сукины дети, чичас учитель хорошего тона прибыл, лекцию об обращении читать будет.

ВЛЮБЛЕННЫЙ

В весенних сумерках раздались звуки флейты. Я оглянулся. Из-за угла вышел плотный мужчина в фуражке со значком. Его сопровождали бедно одетый флейтист и несколько мальчуганов.

— Кто это? — спросил я у рабочего.
— Техник с завода. Золотая голова! Изобретатель! А как выпил — зачудил. Нанимает музыканта и ходит по пивным.
Техник и флейтист вошли в пивную.
— Сейчас доклад о музыке будет делать. — Засмеялся рабочий и пошел в пивную.

Я постоял, подумал, хотел уйти, но любопытство осидило, и я нырнул в пивнушку.
Флейтист играл. Техник говорил, попивая стакан с пивом. Его голова с седеющей гривой была гордо закинута назад.
Битком набитая пивнушка замерла.

— ... в молодости я учился играть на двухрядной гармонии, на гитаре, на окарине... Учился по слуху, не зная нот, не умея отличить „до“ от „ре“.

Перед войной служил в оперном театре. Несколько лет провел среди первоклассных певцов, музыкантов, композиторов... Не зная нот, не умея отличить „до“ от „ре“.

В консерватории я не был. Лекций в Сорбонне у Ромен Роллана по истории музыки не слушал.

Я без ума, без памяти влюблен в музыку. Влюблен, как в женщину. Первый раз я услышал музыку на улице. Шли солдаты. Оркестр играл марш. Я забыл все: школу, куда шел, две копейки, на которые хотел купить мороженого... И бежал за солдатами несколько верст. Опомнился далеко за городом, когда оркестр высморкался и закурил.

Когда прозвучал лозунг: „Музыку в массы“, я шумно зааплодировал: — Bravo!

Я бешено аплодировал Мейерхольду, который лет пятнадцать назад провозгласил:

— Писатель должен всегда слышать музыку.
Отлично, пр вильно! Но только почему один писатель? Все мы должны всегда слышать музыку.

Жизнь надо музифицировать.
Человек должен рождаться, работать и умирать под музыку.
В Институте Отта при трудных родах играет орган, и женщины рожают с улыбкой.

Но почему только в Институте Отта? Почему только при трудных родах? В любой родилке должна непрерывно звучать музыка.

Я знаю нескольких граждан, которые работают под радио.
Но почему несколько? Почему не все работают под музыку? Почему на заводах, фабриках, в рабочих столовых, больницах, санаториях не льются с утра до вечера волшебные мелодии?

Я никогда не забываю, что Рабля умер под музыку.
Рабля, знаменитый французский сатирик, монах, юрист, астроном, ботаник, химик, доктор медицины, почувствовав приближение смерти, велел позвать музыкантов и играть.

Но почему только Рабля умер под музыку? Почему мы не умираем под музыку?

Правда, всех нас похоронят с музыкой. Но почему, почему, черт возьми, так поздно вспоминают о музыке?

Граждане, товарищи! Требуйте музыку!
Требуйте, пока не поздно! Выпьем за музыку!

Техник сделал шаг вперед и к нему потянулись руки со стаканами. Он вдохновенно улыбался, чокался, потом осушил стакан. Раздался смех и аплодисменты.

Техник с достоинством поклонился и сказал флейтисту: — Дальше!

Они вышли из пивнушки под шум и хохот. Из окна я видел как они скрылись в ресторанчике напротив.

В. Черный

НОВЫЕ МАХИНАЦИИ АГЕНТОВ ЧЕМБЕРЛЕНА

В последнее время гнусные происки безответственных элементов против Бегемота приняли характер организованной кампании.

Неостанавливающиеся ни перед чем внутренние и внешние Чемберлены нагло утверждают, что до сих пор не вышло в свет роскошное издание Бегемота:

АЛЬБОМ

ВЕСЕЛЫЕ ПРОЕКТЫ

М. М. Зощенко и Н. Э. Радлова

Заклеймив позором гнусных инсинуаторов, предлагаем сейчас же подойти к ближайшему газетчику и потребовать:

АЛЬБОМ

ВЕСЕЛЫЕ ПРОЕКТЫ,

а также детские книжки:

ДОМ ИЗ КОВРИЖЕК

Текст Р. К. Солженицына. Рисунки А. Успенского.

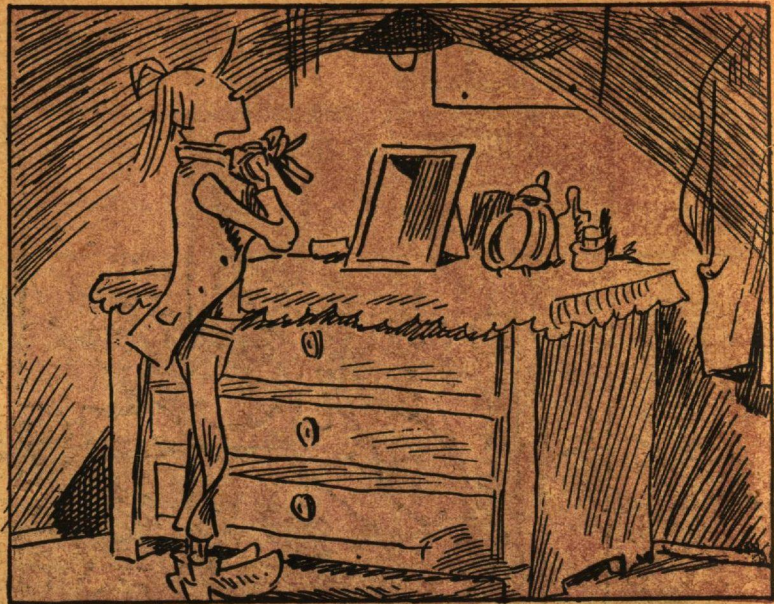
ЧЕПУШИНКА

Текст К. Чуковского. Рис. Н. Радлова.

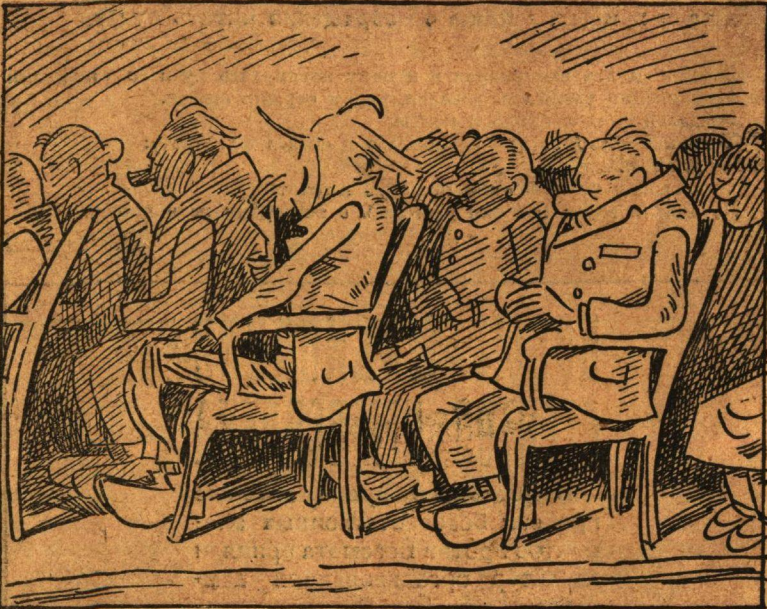
На любом углу!
У любого газетчика!
В любое время!!!

Вещает диктор про овёс...
Евлаша мыслит: — Ну! Понеси
Корми конюшню этим злаком,
А я на злак не очень лаком.

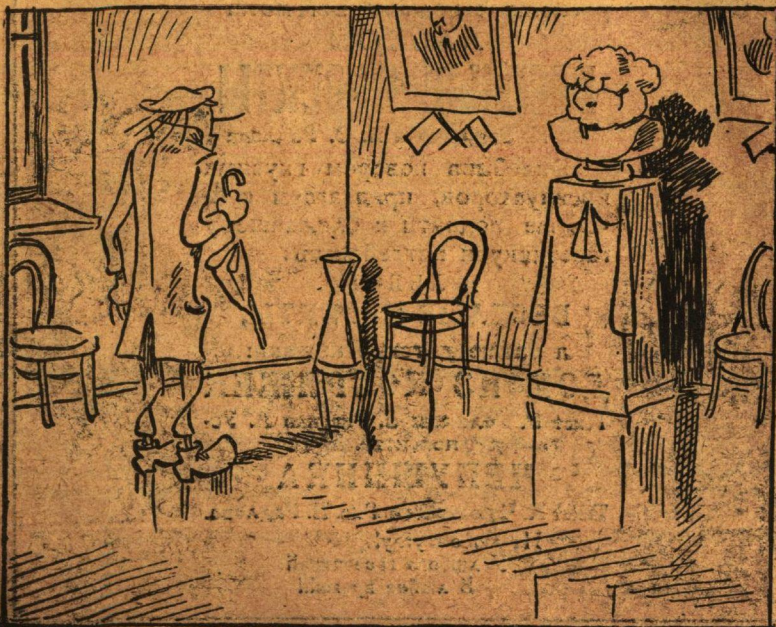
И, чтоб покончить с этим злаком,
Появим галстучек узлом
И, скорбь раз сев мировую,
Пойдем на „Любу Яровую!“

Актёры... Публика... Ну да!
Конечно пьеса — хоть куда!
Но, все же, скучно отчего-то,
И дохнет челюсти зевота.

И голос „Люб“ уже не люб,
Куда сбегать? В ближ йший каре?
Евлампий — сумрачен, невесел —
Шагает тенью между кресел.

Своей досады не тая —
„Здесь только двое — Маркс и я“ —
Воскликнул Надькин
Зло и грубо
И пулей вылетел
Из клуба.

И влип в како-то кино...
В кино спокойно и темно...
Отяжелела вдруг ресница,
И странный сон Евлаш: снится
Как будто... Впрочем — хватит Фраа!
Об „этом“ — в следующий раз.